И. А. ФЕДОСЕЕВА, Ю. М. ПЕРЕВОЗКИНА, М. М. ГУПАЛОВ

Ролевая структура курсантов с разным уровнем социальной адаптации

Проблема и цель. Целью настоящей статьи выступает выявление и изучение эффектов и закономерностей социальной адаптации в ролевой структуре курсантов. Проблема адаптивности военнотружущих первого года учебы в военном вузе предполагает, что интеграция ролей тесно связанных с профессиональной идентичностью в ролевую структуру курсантов, может способствовать эффективной адаптации последних.

Методология. Роли рассматриваются в виде метакомпонентов по отношению к личности курсанта и представляют собой части микросоциальной военной системы, в которую включается курсант, обеспечивая тем самым необходимый адаптивный потенциал. Для эмпирического доказательства спланировано исследование, предполагающее реализацию метода структурно-психологического анализа, позволяющего установить детерминацию и взаимодетерминацию феномена в плане его структурной обусловленности, через расчет корреляционного анализа ролевых параметров и индексов структурной организации ИКС, ИОС, ИОС.

Результаты. Получены четыре корреляционных структуры на разных группах курсантов с низким уровнем адаптивности, с уровнем адаптивности ниже среднего, выше среднего и высоким уровнем ($p < 0,05$). Рассчитанные индексы структурной организации интегрированности (ИКС) и дивергентности (ИДС) ролевой структуры у курсантов с различным уровнем адаптированности демонстрирует «U-образную» зависимость структурной организации ролевого пространства и уровня адаптивности курсантов.

Заклучение. Таким образом, настоящая работа демонстрирует определяющее влияние структурных средств и эффектов ролевого пространства курсантов в обеспечении адаптивных процессов, которые являются системными, а не аналитическими. Отношение между ролевой структурой и уровнем адаптивности курсантов имеет характер взаимодетерминации, которая носит сложный характер, основанный на суперпозициях двух базовых тенденций – интегрирующей и дифференцирующей при относительно большей выраженности первой на средних уровнях адаптивности курсантов.

Ключевые слова: социальная адаптация, адаптивность, курсанты, военное образование, роли, мезо-уровень, метакомпоненты

Ссылка для цитирования:

Федосеева И. А., Перевозкина Ю. М., Гупалов М. М. Ролевая структура курсантов с разным уровнем социальной адаптации // Перспективы науки и образования. 2019. № 3 (39). С. 356-372. doi: 10.32744/pse.2019.3.27

I. A. FEDOSEEVA, Y. M. PEREVOZKINA, M. M. GUPALOV

Role structure of cadets with different social adaptability level

Introduction. This article aimed to explore the effects and patterns of social adaptability in cadets role structure. The issue of adaptability in first-year military college students suggests that the integration of roles, closely related to professional identity, can contribute an effective cadets adaptability.

Methodology and Methods. Roles are considered as a metacomponents in relation to both, cadet's personality and a military micro-social system they are involved. Thus provides the necessary adaptability potential. The research was conducted by using a structural-psychological analysis, which allows for investigation of the phenomenon determination in terms of its structural conditions. The analysis procedure includes a calculation of the role parameters correlation and the structure organization indexes, which are Structure Coherence Index (SCI), Structure Divergence Index (SDI), Structure Organization Index (SOI).

Results. Four correlation structures were obtained for different groups of cadets: with a low adaptability level, with a below average adaptability level, with above-average adaptability level and high adaptability level. Calculated role structure indicators of cadets with different level of adaptability demonstrate the "U-shaped" dependence of the structural organization of a role space and the adaptability level of cadets.

Conclusion. The article concludes that a decisive influence of structural components and cadet role-playing space effects in providing adaptive processes that are systemic rather than analytical. The relationship between the role structure and the adaptability level of cadets has an interdependent and complex character, based on two main tendencies – integrate and differentiate, with relatively more noticeable first at medium adaptability levels of cadets.

Key words: social adaptability, cadets, military education, roles, meso-level, metocomponents

For Reference:

Fedoseeva, I. A., Perevozkina, Y. M., & Gupalov, M. M. (2019). Role structure of cadets with different social adaptability level. *Perspektivy nauki i obrazovania – Perspectives of Science and Education*, 39 (3), 356-372. doi: 10.32744/pse.2019.3.27

Постановка проблемы

Актуальность исследования обусловлена реформами в системе высшего военного образования, усложнением учебных программ и повышением требований к подготовке командиров подразделений. Вышеперечисленное влияет на процесс адаптации курсантов к обучению в военном вузе, который имеет значительные отличия от обучения в гражданском вузе. В качестве специфики можно отметить проведение обучения без отрыва от военной службы, в условиях постоянной воинской готовности (учебные занятия – несение наряда). Суровые условия проживания (запреты на покидание вуза, проживание в казарме, запрет на использование интерактивных средств и пр.). Такие особенности вызывают у курсантов трудности адаптации к новым требованиям. Необходимо отметить, что обучение происходит в контексте уставных жестко регламентированных отношений, требующих от курсанта освоение ролей военнослужащего, что способствует обеспечению определенного ролевого поведения в воинском коллективе. Вместе с тем, ритуализированная деятельность в военном вузе (построение, поднятие флага, гимн и т.д.), дают возможность более эффективно освоить роль военнослужащего, а значит, обеспечивает адаптацию к условиям военного образовательного учреждения.

Феномен адаптации рассматривается в совокупности социальных и биологических факторов и охватывает все сферы жизнедеятельности курсанта. Адаптация курсанта зависит от новых требований и новых условий, под которые индивид должен подстраиваться с целью успешного функционирования в новой роли военнослужащего. Для обеспечения эффективного освоения роли военнослужащего и адаптации к условиям воинской службы Shelby Clark & Scott Seider [16] приводят данные о влиянии обучения курсантов в лагере Военно-воздушных сил США (USAFPA) на их успешность в обучении. Полученные авторами результаты, дают возможность транспонировать модель LoCC в условиях вуза. Изучение Dennis R. Kelly et al. [23] влияния предикторов на эффективную адаптацию курсантов, проводимое в течение четырех лет на 1558 учащихся, указывают на то, что мужество и выносливость являются важными показателями успеха и адаптации будущих офицеров. Salvatore Lo Bue et al. [15] утверждая, что военная профессия требует устойчивости и физической работоспособности, исследовали стойкость и физическую работоспособность на 233 курсантах во время их обучения. Анализ полученных позволил авторам сделать вывод, что выносливость в значительной степени предсказывала успешную адаптацию учащихся и физическую работоспособность. Изучение Todd A. Gilson, Morgan Latimer & Marc Lochbaum [18] влияния разнородных факторов на формирование лидерских качеств и эффективной адаптации курсантов США в рамках «Программы подготовки офицеров запаса» показало, что психологические навыки, необходимые для успеха и социальный климат, в котором они находились, оказывают статистически значимое воздействие на успешность адаптации и существенные аспекты лидерства курсантов. Результаты исследования норвежских курсантов морского флота Paul T. Bartone et al. [12] позволяют предположить авторам, что сплоченность, как один из факторов адаптации курсантов может быть увеличена посредством выполнения ими сложных задач, которые подчеркивают общую ценность и позитивный смысл такого опыта воинского взаимодействия.

Теоретические и эмпирические исследования феномена адаптации, как в зарубежной, так и в отечественной психологической науке подразумевают взаимодействие и достижение равновесия личности со средой. Однако многообразие взглядов на данную проблематику зависит не только от понимания данного процесса, но и от роли и активности индивида в нем.

Наиболее распространенной является классификация, предложенная А.А. Налчаджяном [5], который выделял следующие виды адаптации: нормальная, девиантная и патологическая. Под девиантной адаптацией понимается процесс, обеспечивающий удовлетворение потребностей личности в группе или социальной среде, в то время как ожидания остальных участников не оправдываются таким поведением. Патологическая адаптация – это такая активность личности, которая полностью или частично осуществляется с помощью патологических механизмов и форм поведения. Нормальная адаптация рассматривается как процесс, приводящий к адаптированности личности в типичных проблемных ситуациях без нарушений норм социальной группы, в которой проходит активность личности. Любой процесс, в свою очередь подразделяется на этапы. И.Ю. Чигирина [10] выделяет три этапа социальной адаптации курсантов.

1. Подготовительный этап – сопровождается чувством страха и неопределенности, изменяются стереотипы ролевого взаимодействия.
2. Этап начала адаптации – требует внутренней мобилизации человеческих ресурсов к измененным условиям жизнедеятельности, сопровождается психическим напряжением.
3. Основной этап адаптации – предполагает подстраивание курсанта к географическим и социальным условиям (ограничение проживания и круга общения рамками военного заведения).
4. Заключительный этап адаптации – происходит замена старых стереотипов, ролей на новые выработанные с учетом новых условий военного учебного заведения.

Согласно интеракционистской концепции адаптация рассматривается в качестве успешного выполнения личностью ролевого репертуара и умения разрешать возникающие ролевые конфликты. В основе социальной адаптации согласно Дж. Миду [18], лежит овладение ролями, которые ребенок усваивает в процессе общения с другими людьми и в игре. Основатель интеракционизма полагал, что самоопределение человека как носителя конкретной роли, осуществляется с помощью осознания и принятия тех представлений, которые существуют у других людей относительно этого человека. Ч. Кули¹, исходил из того, что человек не только адаптируется к обществу, но и активно участвует в социальных процессах. Автор основывался на том, что в процессе самоидентификации важную роль играют, так называемые, первичные группы (семья, соседи, сверстники). Если представители данных групп уважительно относятся к ребенку, то ребенок начинает сам уважать себя. Напротив, если ребенок лишен материнской любви и уважения окружающих, то роли, которые он играет, не соотносятся с ожиданиями близких ему людей, а позднее и широкого общества. В сознании ребенка формируется устойчивый образ самого себя, который проявляется в соответствующем поведении присвоенной роли. Следуя представителям интеракционизма, адаптацию можно рассматривать как ролевой механизм, позволяющий личности эффективно функционировать в социальном пространстве. П. В. Носовым [6] в рамках диссертационной работы было показано, что исполнение социальных ролей имеет конфликтную

1 Кули Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок. М.: Идея-пресс, 2001. 328 с.

природу, с одной стороны, оно инициирует творческую активность субъекта, способствуя его самосовершенствованию, с другой – становится преградой гармоничного развития, ограничивая свободу индивида ролевыми рамками. Согласно данным D.G. Smith, J.E. Rosenstein, M.C. Nikolov et al. [28] полученным на 4344 курсантах Военно-морской академии США интеграция ролей военнослужащих тесно связанных с гендерными аспектами идентичности в ролевую структуру курсантов, может способствовать эффективной адаптации последних.

Таким образом, проведенный обзор показал, что социальная адаптация курсантов, включающая приспособление к условиям обучения в военном вузе и выстраивание новых социальных микроотношений, что в первую очередь необходимым условием успешной адаптации выступает освоение курсантами ролей военнослужащего, предполагающих выносливость, физическую работоспособность, стрессоустойчивость, мужественность, саморегуляцию и т.д. При этом утверждается, что наиболее эффективно процесс адаптации протекает у курсантов, личностные свойства которых в большей степени соответствуют требованиям военного вуза и профессиональной деятельности.

Методология и методы исследования

Ролевое освоение в концепции интеракционизма рассматривается довольно широко и предполагает широкий контекст социализации в целом. В свою очередь социализация личности может быть представлена в виде системы, имеющей открытый метасистемный уровень, предусматривающий такое взаимодействие между системами, при котором наиболее общая система, встраивается в подчиненную в качестве ее компонентов, но при этом осуществляя регуляцию всей дочерней системы [3]. Эксплицируя такое понимание системы и метасистемы на адаптацию курсантов к условиям военного вуза, отметим, что данный феномен предполагает интеграцию профессиональных ролей военнослужащего в непротиворечивую структуру курсанта. Иначе говоря, по мнению Ю.М. Перевозкиной [8] ролевая социализация личности характеризуется как система сложным иерархическим строением, с компонентами и элементами, лежащими на более низких уровнях интегральности, воплощающиеся по мере нарастания сложности компонентов на более высоких уровнях. С другой стороны, личность как определенное системное образование оказывается «включенной» в содержание тех или иных «парциальных измерений социализации», преобразуя социальный опыт в виде ролевых экспектаций в собственную ролевую структуру, позволяющую эффективно адаптироваться к новым условиям. Элементами этой системы выступают ролевые экспектации, а компонентами – ролевые модели. Ю.М. Перевозкина выделяет три основных уровня ролевых моделей.

- Макророли – это архетипы или прототипы. Роли этой категории имеют максимально обобщенный характер, такие как архетипы мужского (анимус) и женского (анима).
- Мезороли – основные ролевые модели, опосредующие межличностное взаимодействие и социальное функционирование в обществе в сферах жизнедеятельности человека. Роли, включенные в данный кластер, относятся к широким сферам жизнедеятельности (профессиональная, семейная, неформальных контактов, интимно-сексуальная и пр.). При этом необходимо подчеркнуть, что роли мезоуровня не выходят за пределы этих сфер, образуя пересекающиеся между

собой кластеры (старуха, старик, мать, отец, дева, герой, ведьма, трикстер, девочка, мальчик).

- Микророли – дискретные ролевые модели, обуславливающие ситуативное взаимодействие личности в конкретной жизненной ситуации, не распространяясь на остальные сферы социального функционирования субъекта. К этому уровню можно отнести роли, определенные М. Белбином для диагностики коллектива как команды, ролевой структуры, создающей предпосылки для эффективного партнёрского взаимодействия (формальный лидер, неформальный лидер, генератор идей, аналитик, методист, дипломат, исследователь, исполнитель).

Компоненты системы, в качестве которых выступают ролевые модели, объединяются в ролевые конклавы на субсистемном уровне в зависимости от сферы жизнедеятельности личности. А на более высоких уровнях системы – общесистемном и метасистемном происходит дифференциация и интеграция ролевой системы в уникальную композицию личности, позволяющую ей эффективно функционировать в социальном пространстве. Обозначив структурный состав каждого уровня, необходимо обратить внимание на один важный аспект, указанный в работе А. В. Карпова [3], утверждающего, что у самой системы активизируются качественно новые измерения, характеризующие систему как целое при встраивании метасистемы. Эти измерения, добавляет автор, могут не являться сугубо интегративными, но выступают следствиями механизмов, связанных с функциональной дифференциацией системы.

Таким образом, используя методологию системного и метасистемного подходов обозначим цель исследования, заключающуюся в выявлении эффектов и закономерностей социальной адаптации в ролевой структуре курсантов.

Методы исследования. Методика «Калейдоскоп» (Ю.М. Перевозкина, Л.В. Паньшина, О.О. Андронникова, Н.В. Дмитриева), измеряет ролевую структуру личности, состоящую из 10 ролей относящихся к мезо-уровню: старуха, старик, мать, отец, дева, герой, ведьма, трикстер, девочка, мальчик. Методика «Распределение ролей в группе» (DrinG) М. Белбин Предназначена для диагностики коллектива (группы) как команды, ролевой структуры, создающей предпосылки для эффективного партнёрского взаимодействия. Позволяет диагностировать восемь ролей относящихся к микроуровню: формальный лидер, неформальный лидер, генератор идей, аналитик, методист, дипломат, исследователь, исполнитель. Шкала локуса ролевого конфликта (ЛРК) П.П. Горностай. Предназначена для изучения интегральной характеристика личности, определяющей доминирующую стратегию поведения человека в условиях ролевого конфликта, и базовую тенденцию ролевого развития личности и социального поведения. Диагностирует три уровня локуса ролевого конфликта: экстернальный – ориентированный на общественные ожидания относительно ролевого поведения, интернальный – ориентированный на свои потребности и установки и промежуточный – гармонично сочетающий социокультурные ожидания и собственные потребности. Методика «Оценка состояния адаптированности личности» (ОСАДА) предназначена для экспресс-оценки социальной адаптированности личности, включающая шесть шкал: удовлетворенность собой; удовлетворенность ситуацией; удовлетворенность общением; удовлетворенность здоровьем и образом жизни; удовлетворенность деятельностью; общий уровень адаптации.

Исследование было выполнено на выборке 910 курсантов Новосибирского высшего военного командного училища в возрасте от 17 до 25 лет. В течение 3 лет осуществлялась диагностика первокурсников.

Для установления специфики ролевой структуры в зависимости от уровня социальной адаптации курсантов нами был реализован метод структурно-психологического анализа, предполагающий, как известно, определенную последовательность ряда специфических исследовательских процедур и позволяющий установить детерминацию и взаимодетерминацию феномена в плане его структурной обусловленности [3]. Указанные процедуры включают метод корреляционного анализа ролевых параметров, расчет индексов структурной организации – индекс когерентности структуры (ИКС), индекс дивергентности структуры (ИОС) и индекс организованности структуры (ИОС).

Результаты исследования и их обсуждение

На первом этапе осуществлялось дифференциация выборки курсантов на четыре группы с разным уровнем социальной адаптации по методике ОСАДА (была взята шкала, диагностирующая общий уровень адаптации): низкий, ниже среднего, выше среднего и высокий уровень. Диапазоны значений для группы с низкими значениями социальной адаптивности, ниже среднего, выше среднего и высокими были образованы баллами, лежащими за пределами нижней квартиль, между нижней и средней квартиль, между средней и верхней квартиль, выше верхней квартиль. Распределение курсантов на основе квартилей позволило выделить четыре группы со следующим соотношением (см. рис.1): высокий уровень социальной адаптации (N = 230), ниже среднего уровня (N = 130), выше среднего (N = 320), низкий уровень социальной адаптации (N = 230). Эффективность такого разделения является наиболее приемлемой, т.к. позволяет дифференцировать среднюю группу, имеющую наибольшую численность (68 %, см. нормальность распределения) на две группы с примерно равным соотношением.

Рисунок 1 Процентное распределение курсантов по признаку «общий уровень адаптированности»

Курсанты, имеющие высокий уровень адаптации характеризуются «квазиадаптивностью», что раскрывается через формирование собственных прогнозов и ожиданий относительно окружающей среды, без учета существующей реальности. Курсанты, демонстрирующие уровень адаптивности выше среднего отличаются эмоциональной устойчивостью, успешностью в осуществлении микросоциальных интеракций, гибкостью к изменению межличностных взаимодействий. Респонденты с уровнем адаптивности ниже среднего имеют способность к логической оценке ситуации и энергетический потенциал достаточный для реализации адаптивного поведения в различных условиях межличностного взаимодействия. Курсанты с низким уровнем адаптивности отличаются высокой эмоциональной напряженностью тревожностью, нарушение способности к гибкому приспособлению к окружающей среде.

Для каждой группы рассчитывались корреляции между тестами, измеряющими ролевые компоненты по критерию г-Спирмена. Корреляционные плеяды по четырем группам представлены на рис. 2–5). Результаты исследования свидетельствуют о более насыщенной корреляционной структуре в группе курсантов с уровнем адаптивности ниже среднего (см. рис. 3) и выше среднего (см. рис. 4).

Рисунок 2 Структурограмма ролевых компонентов в группе курсантов с высоким уровнем адаптивности¹

Это свидетельствует о высокой размерности ролевого пространства в группе респондентов со средним уровнем адаптивности. В этой группе было обнаружено наибольшее количество корреляционных связей, чем в остальных подгруппах. Анализ корреляционных плеяд демонстрирует, что в подгруппе курсантов со средним уровнем

¹ Условные обозначения в данном рисунке и в последующих 3 рисунках: СТУ – Старуха; СТУ – Старик; МТ – Мать; ОТС – Отец; ДВ – Дева; ГР – Герой; ВДМ – Ведьма; ТРК – Трикстер; РД – Ребенок девочка; РМ – Ребенок мальчик; ЛРК – локус ролевого конфликта; Формальный лидер – ФРЛ; Методист – МТ; Неформальный лидер – НФЛ; Генератор идей – ГИ; Дипломат – ДПЛ; Аналитик – АНЛ; Исследователь – ИСЛ.

нем адаптивности диагностированы высокая сложность и высокая степень дифференцированности ролевой структуры. Вместе с тем на высоких и низких уровнях адаптивности ролевая структура имеет незначительное количество корреляционных связей, с преобладанием отрицательных в выборке курсантов с низким уровнем адаптивности. Полученные результаты отражают некую парадоксальность, с одной стороны мы наблюдаем снижение корреляционных связей на низких уровнях адаптивности и это вполне объяснимо. Данное демонстрирует снижение приспособления к окружающей среде, сложности, возникающие в процессе включения в микросоциальные группы, сопровождающиеся эмоциональной нестабильностью и напряжением, которые связаны с дезинтеграцией ролевой структуры.

С другой стороны, чрезмерная адаптивность, связанная с формированием собственных прогнозов и ожиданий относительно окружающей среды, без учета существующей реальности также характеризуется некоторой разобщенностью структуры. Полученный результат можно объяснить через известный эффект «гиперорганизованности систем», состоящий в том, что общий уровень адаптированности может на высоких значениях ингибировать ролевое поведение курсантов [3].

Рисунок 3 Структурограмма ролевых компонентов в группе респондентов с уровнем адаптивности выше среднего

Качественный анализ структурограмм, позволяет указать на общее и частное, что свойственно ролевым структурам курсантов с разным уровнем адаптивности. Общими характерными для всех подгрупп курсантов являются положительные и отрицательные корреляционные связи между локусом ролевого конфликта и ролями, относящимися к мезоуровню (см. рис. 2-5). Причем наибольшее количество связей наблюдается в группе курсантов с уровнем адаптивности ниже среднего (см. рис. 4). В ролевой структуре этих курсантов роли девочки, мальчика, трикстера, ведьмы, героя и старика

положительно связаны с локусом ролевого конфликта, отражающего ориентацию на собственные убеждения, представления, интересы, потребности при реализации ролевого поведения, без учета общегрупповых норм и правил. Все перечисленные роли (исключение составила роль старика) эксплуатируют полюс спонтанности, творчества, импульсивности, что вполне закономерно для интернального локуса ролевого конфликта. Кардинально отличаются роли старухи, отца, матери, деви, которые отрицательно связаны с локусом ролевого конфликта, демонстрирующего опору на общественно значимые цели, ценности, правила поведения, нормы, при игнорировании собственных потребностей. Эти роли, в свою очередь, эксплицируют противоположный полюс континуума спонтанность-традиционность, связанный с ригидностью, консервативностью, приверженностью традициям.

Рисунок 4 Структурограмма ролевых компонентов в группе курсантов с уровнем адаптивности ниже среднего

Результаты исследований Р. Е. Madlock & Р. М. Chory [24] позволили установить авторам, что успешность социальной адаптации в профессиональной сфере связана с высокой приверженностью в профессиональной группе и низкой ролевой конфликтностью. Н. В. Гусева [2] утверждает, что на первом и втором курсе курсанты характеризуются ролевым конфликтом в межличностных отношениях, тогда как курсанты последнего курса обучения демонстрируют ролевой конфликт в личностной сфере, который, по мнению Н.В. Гусевой, обусловлен потребностью в самостоятельности. Интернализация профессиональной роли китайских студентов, по данным X. Yang et al. [30] обусловлена снижением гендерного ролевого конфликта и упорством в достижении результатов. А выраженный ролевой конфликт согласно D. Monk, L. A. Ricciardelli [26], D. Anderson, M. Hamilton [11], обуславливает различные девиации в подростковом и юношеском возрасте.

Такие результаты исследований подтверждаются нашими данными, демонстрирующими наличие интернального локуса ролевого конфликта у курсантов при реализации таких ролей как неформальный и формальный лидер (группы с высоким и ниже среднего уровнем адаптивности, см. рис. 3 и 4).

Рисунок 5 Структурограмма ролевых компонентов в группе респондентов с низким уровнем адаптации

С точки зрения Todd A. Gilson, Morgan Latimer & Marc Lochbaum [18] формирование лидерских качеств курсантов обусловлены сложностью курса обучения, психологическими навыками, необходимые для успеха и социальным климатом. Результаты исследований L.A. Boyce, & A.M. Herd, [14] демонстрируют, что курсанты военной академии обладают более выраженными мужскими гендерными ролями отражающими качества успешного офицера, чем курсанты первого курса. Важно отметить, что в группах курсантов с уровнем адаптивности расположенным в диапазоне средних значений обнаружены положительные корреляции роли отца и героя с ролью формального лидера ($r = 0,77$ и $0,56$ соответственно при $p < 0,001$). В то же время в этих же группах имеется положительная связь между групповой ролью неформального лидера и ролью трикстера и ведьмы ($r = 0,82$ и $0,43$ соответственно при $p < 0,001$). Тогда как в группах курсантов с низким и высоким уровнем адаптивности данные ролевые соотношения представлены в инвертированном виде или совсем не взаимосвязаны. Полученные результаты демонстрируют наличие устойчивых структурных взаимоотношений в группах курсантов с оптимальным уровнем адаптивности между ролями, отражающими мужские и профессиональные роли военнослужащего (герой и отец) и ролью формального лидера – с такими характеристиками как способность организовать командную работу группу в достижении определенной цели. Роли героя и отца обладают яркими маскулинными характеристиками: стремление, воля, независимость взглядов, способность принимать решение и нести за принятый выбор ответственность,

умение выбирать цель, и достигать ее. способны к решительным и энергичным действиям. [7]. В свою очередь роли трикстера и ведьмы спонтанны, непредсказуемы, независимы, импульсивны, испытывают стремление к нарушению общественных норм и правил эксплуатируют противоположный полюс командной роли – неформального лидера, отличающегося амбициозностью, азартностью, раздражительностью, чаще всего не способны довести задуманное до логического конца. Н. Gerardy et al. [17] в результате исследования определили, что межличностное взаимодействие у юношей в рамках соответствующих гендерных ролей обуславливает высокий уровень просоциального поведения, а также хорошей социальной интеграцией в группу. С точки зрения D. M. Hatmaker [19], включенность индивида в группу посредством освоения и трансляции принятых в данной группе ролей, позволяет быстро интегрировать знания, навыки и ценности, необходимые для того, чтобы стать членами организации. Внутренний уровень самооффективности молодых людей, по данным K. S. Herrygers & S. M. B. Wieland [20], выступают решающими для эффективной профессиональной адаптации молодежи. Однако некоторые исследования представляют противоположные данные относительно соответствия гендерным ролям. Так в работе M. H. Keung [22] обнаружено, что юноши, имеющие высокую маскулинность, были более склонны к антисоциальному поведению, чем девушки ($p < 0,05$). Учитывая, что эмпирической выборкой в данном исследовании выступили респонденты подросткового возраста, можно предположить, что кризис подросткового возраста, связан в определенной степени со становлением идентичности личности. В какой-то мере данные, полученные в исследовании Н. В. Гусевой [2], которая экспериментально доказала влияние курса обучения на развитие профессионально-ролевого самоопределения учащихся военного вуза, объясняют полученные результаты. Так ролевое пространство курсантов первого курса характеризуется актуализацией таких ролей как «оптимист», «подчиненный», «добросовестный ученик», «исполнитель». На четвертом курсе, по данным Н. В. Гусевой, учащимися освоено и принято большинство профессиональных ролей: «следак», «опер», «судья», «психолог», «правозащитник», «организатор», «должностное лицо». Таким образом, можно наблюдать развитие профессионально-ролевого самоопределения с первого по четвертый курс, когда курсант постепенно, в процессе обучения определяет свое место в профессиональной области. Эти результаты находят свое эмпирическое подтверждение и в данных Jon Swain [27], вскрывающих то обстоятельство, что эффективное освоение ролей военнослужащих новобранцами ($N = 1518$) к концу первого года позволяет им не только интегрировать нормы, ценности и знания в процессе обучения, но и выстроить новые формы самооценки и идентичности. Автор делает вывод о том, что осуществление деятельности в армии в рамках ролевых структур погружает курсантов в культуру военной организации и способствует успешной адаптации.

Расчет индексов когерентности (ИКС) и дивергентности (ИДС) ролевой структуры у курсантов с различным уровнем адаптированности демонстрирует «U-образную» зависимость (см. рис.6).

Курсанты с низким уровнем адаптации имеют низкие значения ИДС и ИКС (23 и 19 единиц соответственно) с преобладанием дивергентных тенденций. С приближением к среднему диапазону уровня адаптированности (т.е. нормальные значения), наблюдается увеличение обеих тенденций. Причем интересно, что с приближением к высоким значениям наблюдается нарастание интегрирующих функций (ИКС = 90, ИДС = 75, ИОС = 15), тогда как на уровне ниже среднего обе тенденции представлены в равной

степени (ИКС = 62, ИДС = 62, ИОС = 0). И, наконец, на высоких уровнях социальной адаптации ролевая структура курсантов демонстрирует явное снижение обоих, как дифференцирующих (ИДС = 24), так и конвергирующих тенденций с преобладанием последних (ИКС = 38).

Рисунок 6 Зависимость ролевой структуры курсантов от общего уровня адаптивности

В этой связи можно утверждать, что на высоком и выше среднего уровнях адаптации преобладают интегративные функции, способствующие общей организованности ролевой структуры. На уровне адаптации ниже среднего обе тенденции представлены в равной степени, а на низких уровнях адаптации ролевая структура характеризуется преобладанием дезинтегрирующих механизмов, что способствует разобщенности ролевой структуры. Иначе говоря, ролевая система распадается на отдельные невзаимосвязанных ролевые компоненты, что способствует дезадаптации личности в социокультурной среде. Согласно J. L. Terrion, M. Rocchi & S. O'Rielly [29], молодежь с непродуктивным ролевым набором, демонстрирует асоциальное поведение и злоупотребление психоактивными веществами. С другой стороны эффективное ролевое освоение способствует успешному межличностному взаимодействию американских подростков [21].

Более того, динамика индексов когерентности и дивергентности структуры повторяет выше указанную зависимость в виде оптимума, когда наиболее низкие значения интегрированности обнаруживаются на высоких и низких уровнях, что отражает эффекты гиперорганизованности систем, когда интеграция как средство оптимизации структуры ролевых моделей трансформируется в свою противоположность и выступает как фактор ее дезоптимизации.

Нами был обнаружен интересный факт, заслуживающий особого внимания, на низких и высоких уровнях адаптации курсантов наблюдается снижение значений индексов конвергенции и дивергенции, отражающих, что у курсантов имеющих указанные уровни адаптации в ролевой структуре наблюдается уменьшение корреляционных

связей. Это приводит к двум тенденциям. Во-первых, такую структуру можно назвать коартированной (узкая, сжатая), что свидетельствует о нарушении такого механизма как интеграция, позволяющего включать в ролевую структуру личности как можно больше ролей с учетом индивидуальных потребностей, интересов, ценностей и установок. Такая ролевая структура характеризуется бедностью, поведение личности ригидное и осуществляется в рамках одной роли, независимо от различных ситуаций.

Во-вторых, дезинтеграция ролевой структуры курсантов с низким уровнем адаптации, демонстрирует, что у них еще нарушен механизм имитации, поскольку даже те роли, которые включаются в ролевую структуру, разобщены между собой. Иными словами, ролевая структура рассыпается на отдельные компоненты – существующее ролевое пространство состоит из отдельных невязанных ролей. Происходит распад структурной целостности ролевого пространства и разрушение системных качеств ролевой адаптации курсантов. Такие курсанты испытывают сложности в определении и соотношении роли и ее общественных ожиданий относительно этой роли. Деструктивной формой интеграции ролевых взаимодействий у курсантов, с высоким уровнем социальной адаптации является объединение всех ролевых моделей в единый ролевой комплекс, который может внутри подразделяться на два полюса. Это свидетельствует о расширении ролевого пространства, но без учета реальных связей между ролевыми моделями и вне понимания их социокультурных ожиданий. Необходимо отметить, что потенциал такого ролевого пространства невысок. Главная причина в том, что ролевое поведение субъекта с низким уровнем адаптации не отвечает ожиданиям социальной среды. Более того на высоком уровне, вследствие чрезмерной конформности и подчинению нормам и правилам социума, происходит включение ролей в ролевую структуру без учета личностных особенностей, интересов и ценностей курсанта.

Заключение

Итак, подводя итоги проведенному исследованию можно сформулировать несколько основополагающих по своей значимости выводов. Во-первых, полученные результаты демонстрируют определяющее влияние структурных средств и эффектов ролевого пространства курсантов в обеспечении адаптивных процессов, которые являются системными, а не аналитическими. Это влияние раскрывается через известный эффект «гиперорганизованности систем», состоящий в том, что общий уровень адаптированности может на высоких значениях ингибировать ролевое поведение курсантов, таким образом, что на высоких и низких уровнях адаптивности ролевая структура курсантов отличается низкой сложностью структуры с преобладанием дезинтегрирующих тенденций на низких уровнях. Тогда как курсанты со средним уровнем адаптивности имеют высокую сложность ролевой структуры с преобладанием интегрирующих тенденций. Это свидетельствует что снижение приспособления к окружающей среде, сложности, возникающие в процессе включения в микросоциальные группы, сопровождающиеся эмоциональной нестабильностью и напряжением, тесно связаны с дезинтеграцией ролевой структуры.

Во-вторых отношение между ролевой структурой и уровнем адаптивности курсантов имеет характер взаимодетерминации, предполагающей что ролевая структурированность выступает детерминантой адаптивности курсантов, но и уровень адаптивности

оказывает влияние на характер и качество ролевой структуры и определяет специфику ролевого поведения курсантов. Такие взаимодетерминации демонстрируют наличие устойчивых структурных взаимоотношений в группах курсантов с оптимальным уровнем адаптивности между ролями, отражающими мужские и профессиональные роли военнослужащего и ролью формального, тогда как в группах курсантов с низким и высоким уровнем адаптивности данные ролевые соотношения представлены в инвертированном виде или совсем не взаимосвязаны. В этих группах происходит распад структурной целостности ролевого пространства и разрушение системных качеств ролевой адаптации курсантов. Данное свидетельствует, что в зависимости от степени интегрированности структуры ролевой организации находится мера выраженности адаптивности курсантов, определяющая степень ролевой сложности, направленности и активности военнослужащего, включаясь в само содержание ролевой структуры, во многом конституируя ее.

В-третьих, эти отношения носят сложный характер, основанный на суперпозициях двух базовых тенденций – интегрирующей и дифференцирующей при относительно большей выраженности первой на средних уровнях адаптивности курсантов. При этом весьма вероятно, что выявленные эффекты структурной организации внутреннего содержания качества ролевого пространства могут выступать мерой того, на каком уровне развития будет представлена адаптивность. Это доказывает наличие взаимозависимости между структурными (содержательными) ролевыми параметрами и количественными (уровневыми) адаптивности личности, когда роли являются метаконпонентами по отношению к личности и представляют собой части микросоциальной военной системы, в которую включается курсант, обеспечивая тем самым необходимый адаптивный потенциал.

REFERENCES

1. Ball G.A. The concept of adaptation and its importance for the psychology of personality. *Voprosy psichologii*. 1989. No. 1. P. 92-100. (in Russ.)
2. Guseva N. V. Professional-role self-determination of cadets of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia: Diss. PhD. Psychol. Sciences: 19.00.06. Saint-Petersburg, 2007. 257 p. (in Russ.)
3. Karpov A.V. Metasystem organization of individual personality traits: monograph. Yaroslavl, YarGU Publishing House, 2018. 744 p. (in Russ.)
4. Coulee H. H. Human nature and social order. Moscow, Idea-press Publ., 2001. 328 p. (in Russ.)
5. Nalchadjyan A.A. Psychological adaptation: mechanisms and strategies. Moscow, Eksmo Publ., 2010. 368 p. (in Russ.)
6. Nosov P.V. Social Roles as a Factor in the Organization of Social Relations: Diss. PhD Philosoph. Sci., Moscow, 2009. 150 p. (in Russ.)
7. Panshina L.V., Fedoseeva I.A., Andronnikova O.O., Perevozkina.Yu.M. Gender aspect of the archetypal perception of the modern teacher. *Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University*. 2017. Vol. 7. No. 3. P. 37-52. DOI: 10.15293 / 2226-3365.1703.03 (in Russ.)
8. Perevozkina Yu.M. System model of social-role functioning of the individual. *In the collection: Intellect. Culture Education Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 85th anniversary of the birth of RAO I.S. Ladenko, with elements of a scientific school for young people*. 2018. pp. 19-21. (in Russ.)
9. Chemyakina A.V., Perevozkina Yu.M., Karpov A.V., Karpov A.A. Structural laws of reflexive determination of management activities in the educational space. *Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University*. 2018. Vol. 8. No. 5. P. 209-228. DOI: 10.15293 / 2226-3365.1805.13 (in Russ.)
10. Chigrina I. Yu. Problems of adaptation of cadets of the first year of studies at higher military educational institutions.

- Theory and practice of social development*. 2014. No. 11. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-adaptatsii-kursantov-pervogo-goda-obucheniya-vysshih-voennyh-uchebnyh-zavedeniy> (accessed 1 February 2019). (in Russ.)
11. Anderson D., Hamilton M. Gender Role Stereotyping of Parents in Children's Picture Books: The Invisible Father. *Sex Roles*. 2005. Vol. 52. no. 3–4. pp. 145–151. DOI: 10.1007/s11199-005-1290-8
 12. Bartone P.T., Johnsen B. H., Eid J., Brun W. & Laberg J. C. Factors Influencing Small-Unit Cohesion in Norwegian Navy Officer Cadets. *Military Psychology*. 2002. Vol. 14 no.1. pp. 1-22, DOI: 10.1207/S15327876MP1401_01
 13. Belbin E., Belbin R. M. & Hill F. A comparison between the results of three different methods of operator training. *Ergonomics*. 1957. Vol.1. no. 1. pp., 39-50, DOI: 10.1080/00140135708964570
 14. Boyce, L.A. & Herd, A.M. The Relationship Between Gender Role Stereotypes and Requisite Military Leadership Characteristics. *Sex Roles*. 2003. Vol. 49: pp. 365. DOI 10.1023/A:1025164221364
 15. Bue S. L., Kintaert S., Taverniers J., Mylle J., Delahaij R. & Euwema M. Hardiness differentiates military trainees on behavioural persistence and physical performance. *International Journal of Sport and Exercise Psychology*. 2018. Vol. 16. no. 4. pp. 354-364. DOI: 10.1080/1612197X.2016.1232743
 16. Clark S. & Seider S. Engaging College Students and Cadets in Training Tomorrow's Leaders of Character. *Journal of College and Character*. 2014. Vol. 15. no. 4. pp. 259-264. DOI: 10.1515/jcc-2014-0030
 17. Gerardy H., Mounts N. S., Luckner A. E., Valentiner D. P. Mothers Management of Adolescent Peer Relationships: Associations With Aggressive, Prosocial, and Playful Behavior. *The Journal of Genetic Psychology*. 2015. Vol. 176, no. 5. pp. 299–314. DOI: 10.1080/00221325.2015.1066746
 18. Gilson T. A., Latimer M. & Lochbaum M. Post-LDAC Reflections of ROTC Cadets: Relationship to Leadership and Performance. *Journal of Applied Sport Psychology*. 2015. Vol. 27. no. 2. pp. 235-248. DOI: 10.1080/10413200.2014.982306
 19. Hatmaker D. M. Bringing Networks In: A model of organizational socialization in the public sector. *Public Management Review*. 2015. Vol. 17, no. 8. pp. 1146–1164. DOI: 10.1080/14719037.2014.895029
 20. Herrygers K. S., Wieland S. M. B. Work socialization through part-time work: cultivating self-efficacy and engagement through care. *Journal of Applied Communication Research*. 2017. Vol. 45, no. 5. pp. 557–575. DOI: 10.1080/00909882.2017.1382712
 21. Johnson S. K., Buckingham M. H., Morris S. L. at all. Adolescents' Character Role Models: Exploring Who Young People Look Up to as Examples of How to Be a Good Person. *Research in Human Development*. 2016. Vol. 13. no. 2. pp. 126–141. DOI: 10.1080/15427609.2016.1164552
 22. Keung M. H. The Relation of Gender-Role Classifications to the Prosocial and Antisocial Behavior of Chinese Adolescents. *The Journal of Genetic Psychology*. 2005. Vol. 166, no. 2. pp. 189–202. DOI: 10.1080/10510974.2013.811429
 23. Kelly D. R., Matthews M. D. & Bartone P. T. Grit and Hardiness as Predictors of Performance Among West Point Cadets. *Military Psychology*, 2014. Vol. 26. no. 4. pp. 327-342. DOI: 10.1037/mil0000050
 24. Madlock P. E., Chory R. M. Socialization as a Predictor of Employee Outcomes. *Communication Studies*. 2014. Vol. 65, no. 1. pp. 56–71. DOI: 10.1080/10510974.2013.811429
 25. Mead G. H. The Social Self. *Psychiatry. Interpersonal and Biological Processes*. 1978. Vol. 41, no. 2. pp. 178–182. DOI: 10.1080/00332747.1978.11023971
 26. Monk D., Ricciardelli L. A. Three dimensions of the male gender role as correlates of alcohol and cannabis involvement in young Australian men. *Psychology of Men and Masculinity*. 2003. Vol. 4. , no. 1. pp. 57–69. DOI: 10.1037/1524-9220.4.1.57
 27. Swain J. The effect of Phase One training on young recruits' personal and professional development in the British army. *Journal of Youth Studies*. 2016. Vol. 19. no. 1. pp. 117-132, DOI: 10.1080/13676261.2015.1039965
 28. Smith, D.G., Rosenstein, J.E., Nikolov, M.C. et al. The Power of Language: Gender, Status, and Agency in Performance Evaluations. *Sex Roles*, 2019. Vol. 80: pp. 159. DOI: 10.1007/s11199-018-0923-7
 29. Terrion J. L., Rocchi M., O'Rielly S. The Relationship Between Friendship Quality and Antisocial Behavior of Adolescents in Residential Substance Abuse Treatment. *Journal of Groups in Addiction & Recovery*. 2015. Vol. 10, no. 2. pp. 141–162. DOI: 10.1080/1556035X.2015.1034823
 30. Yang X., Wang X. Zhang L., Weidman J. C. Gender role conflict, professional role confidence, and intentional persistence in engineering students in China. *Studies in Higher Education*. 2017. Vol. 42, no. 2. pp. 248–263. DOI: 10.1080/03075079.2015.1045476

Информация об авторах

Федосеева Ирина Александровна

(Россия, Новосибирск)

Доктор педагогических наук, профессор кафедры
практической и специальной психологии
Новосибирский государственный педагогический
университет

E-mail: fedoseevairina60@gmail.com

Перевозкина Юлия Михайловна

(Россия, Новосибирск)

Кандидат психологических наук, доцент, заведующий
кафедрой практической и специальной психологии
Новосибирский государственный педагогический
университет

E-mail: per@bk.ru

Гупалов Максим Михайлович

(Россия, Санкт-Петербург)

Кандидат педагогических наук, заместитель
начальника научно-исследовательского и
редакционно-издательского отдела
Санкт-Петербургский военный институт войск
национальной гвардии

E-mail: maks_gupalov@mail.ru

Information about the authors

Irina A. Fedoseeva

(Novosibirsk, Russia)

Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor of the Department
of Practical and Special Psychology
Novosibirsk State Pedagogical University
E-mail: fedoseevairina60@gmail.com

Yulia M. Perevozkina

(Novosibirsk, Russia)

PhD in Psychological Sciences,
Associate Professor, Head of the Department
of Practical and Special Psychology
Novosibirsk State Pedagogical University
E-mail: per@bk.ru

Maxim M. Gupalov

(Saint Petersburg, Russia)

PhD in Pedagogical Sciences,
Deputy Head
of the Research and Publishing Department
St. Petersburg National Guard Forces Command Military
Institute
E-mail: maks_gupalov@mail.ru